

Мнение современников о состоянии законодательной базы Российской империи было достаточно критичным. Н. Коркунов в своем исследовании привел отзывы подобного типа в печати, в среде юристов, чиновников⁷. Помимо критики редакторской правки, оформления статей, справочного аппарата и т. д., отрицательно воспринималось отсутствие полного официального Свода. Неофициальные издания начала XX в. пытались преодолеть сложности использования разновременных официальных изданий. Но фактически в России 2 половины XIX - начала XX вв. так и не наступили политические условия для выполнения плана кодификации: через каждые 10 лет переиздавать Свод законов. Создатели Свода законов с их приверженностью к традициям, лингвистической архаичностью демонстрировали все противоречия правового обеспечения российской раннеиндустриальной модернизации.

¹ Сперанский М. О силе и действии Свода. // Архив исторических и практических сведений. СПб., 1861. Кн. VI. С. 2

² См.: О Своде законов Российской империи. СПб., 1905, С. 139

³ См.: Корево Н. Об изданиях законов Российской империи. СПб. 1900. С. 20

⁴ Подсчитано по: Корево Н. Об изданиях законов...; Краткий обзор Свода законов Российской империи и правила для употребления его на практике / сост. Пахарнаев А. И. СПб., 1897; Перечень действующих изданий и Продолжений Свода законов. СПб, 1915

⁵ Цит. По: Корево Н. Указ соч. С. 127

⁶ Ренненкампф Н. Очерки юридической энциклопедии. Киев. 1868. С. 118

⁷ Коркунов Н. Значение Свода законов. СПб., 1894. С. 245 - 260

Ю. В. Величко
Екатеринбург

КАЧЕСТВО ИНФОРМАЦИИ СОВЕТСКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ 1930-х — 1980-х гг.

Под документальными источниками в статье подразумеваются письменные (печатные) источники информации официального характера. Они составлены представителями государственной власти, руководящих органов правившей партии, подчиненных государству общественных организаций (профсоюзов, ВЛКСМ и пр.), а также частными лицами, действовавшими по поручению официальных органов и их руководителей. Под качеством информации имеется ввиду, прежде всего, достоверность и полнота. Другие характеристики даются постольку, поскольку они помогают определению этих двух, наиболее важных.

Цель статьи: помочь начинающим исследователям в преодолении распространенных заблуждений относительно степени достоверности и пол-

ноты информации документальных исторических источников, порождающих некритическое отношение к ним.

Любой официальный источник отражает объективную реальность прошлого. Но каждый отражает ее субъективно. Они составлены людьми, на которых влияли обстоятельства общественного и личного свойства.

Официальные источники 1930 - начала 1953 гг. носят печать личности И.В. Сталина и подчинения других авторов его мнению. Отношение к мнению Сталина как к абсолютной истине, выраженное в документах, - «камень» о который спотыкается большинство начинающих исследователей. Возникает соблазн согласиться без размышлений и выразить версию источника как собственное убеждение.

Мнение, с которым соглашались, имеет убедительную аргументацию, либо принадлежит признанному авторитету. Для людей науки система доказательств имеет первостепенное значение. Положительное значение авторитета для них ограничено и условно. Игнорировать авторитетные мнения глупо и невежественно. Но чрезмерное подчинение им равнозначно фактическому банкротству ученого.

Система государственного управления и партийного руководства в СССР была предельно централизованной и бюрократической. Каждый уровень власти полновластно распоряжался нижестоящими уровнями. Критическое отношение к подчиненным и беспощадная требовательность были обязательными качествами сталинских управленцев. Большинство документов, адресованных подчиненным, указывают на недостатки их деятельности в подчеркнуто сердитой форме и содержат категорические требования исправить их в предельно короткие сроки. Часто это подкреплялись угрозами наказания и распоряжениями о наказаниях. В свою очередь, все начальники, кроме И.В. Сталина, были подчиненными всех вышестоящих инстанций власти. И там относились к ним тоже требовательно и критически. Критика, направленная сверху вниз была повседневной практикой. Подчиненных постоянно подстегивали, стращали и часто наказывали.

Критика начальства подчиненными, напротив, была ограниченной, регламентированной. Она допускалась в виде доносов или жалоб, и адресовалась более высокому начальству, в том числе самому И.В. Сталину и его ближайшим соратникам. Иногда она проводилась в виде ритуала публичного разоблачения с санкции высших инстанций власти. Негативная информация о руководителях разных рангов поступала в высшие инстанции власти, в основном, от инспекционных ведомственных комиссий. Важным ее источником были также донесения параллельных ведомств. Нарком мог критиковать работу другого наркома, директор завода мог жаловаться на директора смежного предприятия и т. д. Многочисленные негативные материалы о начальниках различных ведомств и уровней со-

держатся в сводках и отчетах сотрудников органов ОГПУ – НКВД – МГБ, осуществлявших контроль за общественной ситуацией по должности.

Сталин был, определенно, вне критики. Судить о других руководителях и их действиях, по их отчетам и директивам, без учета критических мнений всех других учреждений и уровней, указанных выше, и без собственного самостоятельного критического анализа, практически бесплодно. Это будет – некритическим воспроизведением одной из многих возможных версий.

В отчетах о состоянии дел на предприятии или в организации, сначала показывали достижения. Затем следовало перечисление нерешенных проблем и их причин. После этого сообщался план мероприятий, направленных на устранение недостатков, и содержались просьбы о помощи (содействии). Наконец, выражалась оптимистическая уверенность в том, что все задания партии и правительства будут выполнены, несмотря на трудности. Здесь присутствовали самокритика, критика подчиненных и, иногда, критика смежных параллельных учреждений, неподчиненных авторам отчетов, но и не имевших власти над ними. Но никогда прямо не высказывались сомнения по поводу распоряжений начальства, тем более протест против них. Это часто вводит неопытного исследователя в заблуждение. И он добросовестно повторяет вслед за автором отчета, что во всех недостатках были виноваты плохие исполнители мудрых решений.

В констатирующей части директивных документов обычно также фиксировались достижения. Затем перечислялись недостатки. Но, в отличие от отчетов начальству, без самокритики и без указания на дефицит ресурсов, необходимых для улучшения положения. Таким образом, ответственность целиком возлагалась на подчиненных. Далее, в постановляющей части, содержались категорические требования, часто с указанием лиц, персонально отвечающих за их исполнение.

Анализ информации предполагает отказ исследователя от доверчивого отношения к ней. Достижения, указанные в источнике, должны быть придирчиво проверены по количественным и, особенно, по качественным параметрам. Следует иметь ввиду высокую степень вероятности приписок. Следует предполагать также вероятность искажения смысла понятий «качество», «рационализация», «забота об интересах трудящихся» и т.п.

При рассмотрении проблем и их причин, главное внимание исследователю следует обратить на те из них, которые упомянуты кратко, а не на те, которые подчеркнуты и особо выделены. Кратко упоминаемые проблемы и причины – внешние, решение которых зависело не от составителя отчета и его подчиненных, а от вышестоящего начальства. Составители отчетов прекрасно понимали, что именно они – главные. Но писали они ведь не для потомков и историков, а для своих начальников. И на огрехи организации, на плохое обеспечение выполнения заданий ресурсами как на вину

начальника не указывалось. Начальников смиренно просили помочь улучшением снабжения, дать распоряжение о содействии, разрешить самостоятельно предпринять те или иные действия. Иное дело – подчиненные. Они безответны и, одновременно, обязаны отвечать за все: и за собственные провинности и за огрехи организации, срывы снабжения и т. д., и т. п. Вот и выпячены в отчетах и постановлениях второстепенные, третьестепенные и, даже, малозначительные причины недостатков. Зачем? Для демонстрации самокритики и служебного рвения. Мол, видим свои недостатки. А вот и план стандартных (а потому, не вызывающих у начальства сомнений и возражений) мероприятий по их исправлению.

Не надо воспринимать всерьез такие клише как: «покончить с благодушием и беспечностью», «усилить воспитательную работу», «покончить с бюрократизмом» и десяток других, им подобных. Не следует наивно верить в адекватность определений и понятий их обычному смыслу, если они являются стандартными ярлыками вроде: «антисоветский», «антигосударственный», «несознательные», «бюрократический», «забота о нуждах трудящихся», «почин передовых рабочих», «вредительство» и т. п. Однако самое серьезное внимание следует обращать на расшифровку этого специфического языка сталинской «номенклатуры». Что понималось под этими определениями и понятиями? Сами авторы источников информации и их адресаты весьма четко представляли зашифрованный в них смысл.

Ярлыки навешивались на подчиненных. Поэтому в документах дело почти всегда выглядит так, что основные достоинства в руководящих и направляющих инстанциях, а главные недостатки у исполнителей. Чем выше уровень руководства, тем больше у него достоинств. Чем ниже статус исполнителей, тем неприглядней представлено их поведение. В определенной мере, эта особенность маскируется персональным выделением передовиков и других «сознательных» (то есть, послушных) исполнителей в самом низу, а также утверждениями, что «основная масса» исполнителей в морально – политическом отношении «вполне здоровая». Картина достижений и проблем перевернута. Основные достижения Советской державы присвоены теми, кто создавал проблемы, а недостатки возложены на тех, кто эти проблемы реально преодолел.

Копирование стиля исторических источников допустимо только в документальных публикациях и цитатах. Весьма значительная часть сталинских выдвиженцев состояла из малообразованных людей. Особенно в учреждениях госбезопасности и внутренних дел. Но и директорский корпус, партийные, советские органы, и прочие инстанции, включали таковых в немалом числе. Другой типичной особенностью времени было широкое использование политического и «профессионального» жаргонов. Например: «категории заключенных по окраске» и т. п. Сленг необходимо переводить на литературный язык, а не копировать.

Исследование часто бывает затруднено оперативным и, как следствие, отрывочным характером отчетности. Контроль сверху был придирчивым и постоянным. Однако строгой системы в нем не было. Отчет или справку могли потребовать в любой момент, за любой период. Весьма часто поэтому информация повторяется, накладывается на другую, а по некоторым временным отрезкам может быть восстановлена только после длительного кропотливого поиска.

После смерти И. В. Сталина документированная информация значительно меняется. Осязяемо смягчение режима контроля власти над обществом. Применение клише и ярлыков, принятых в сталинское время, встречается все реже. И вскоре они полностью выходят из употребления. Применение этих клише и ярлыков современными исследователями истории 1930-х – начала 1950-х гг. вне цитат абсурдно. Сама «номенклатура» в меняющихся условиях предпочитала изъясняться иначе.

В отчетах и констатирующих частях постановлений о достижениях говорится не меньше, чем прежде, но менее конкретно, в более обобщенном виде. Проблемы и недостатки излагаются спокойно, без прежнего надрыва и эмоционального возмущения. В брежневский период «стабильности» и «развитого социализма» сама центральная власть мягко советовала «не драматизировать» проблемы и недостатки. Зачем бездумно заимствовать оценки обстановки сталинского периода сегодня, слепо верить им, если даже высшая «номенклатура» КПСС, возвращенная и выпестованная в тот период, этого стала избегать уже с середины 1950-х гг.?

Среди причин проблем и недостатков на первое место выходят из тени «объективные». И это закономерно, хотя объективными причинами по-прежнему называются просчеты планирования, срывы снабжения, то есть причины внешние для исполнителей, но субъективные по своей сути. За «объективные» причины не надо ругать и наказывать: никто не виноват. Н.С. Хрущев и его соратники еще время от времени делали «разносы», но предпочитали методы «убеждения и воспитания». Сам характер этого воспитания изменился. При Сталине воспитание состояло в призывах выполнять волюнтаристские задания и угрозах тем, кто проявит нерадивость, принудительной «популяризации» якобы добровольных починов передовиков, показательных наказаний тех, кто оказался «крайним», а потому, во всем виноватым. После Сталина главный метод партийного воспитания состоял в прельщении обещаниями улучшения условий жизни и призывах для этого работать (всего лишь) «по способностям». В документах только оптимистическая уверенность, вроде бы, осталась прежней. Но и она после окончания эпохи «хрущевского волюнтаризма», быстро утрачивает эмоциональную окраску и убедительность.

Изучать историю СССР середины 1950-х – середины 1980-х гг. по документам не менее сложно. Достижения в них так же, как и в предшест-

вующий период, преувеличены. Проблемы и недостатки сглажены. Для периода после Хрущева сглажены почти до идиллической картины. Поэтому и здесь копирование версий источников, вместо недоверчивого их анализа, также ведет исследователя в тупик.

Надо задать себе вопрос: Почему очевидно позитивные достижения, в смягчении политического режима, росте материального обеспечения населения, его образования и культурного уровня, в развитии науки, во внешней политике СССР, сопровождались замедлением темпов экономического роста Советского Союза и медленным, но неуклонным падением престижа государственной власти и правящей партии? Готового ответа в документах, конечно, нет. Его надо выделить и получить из «сырья» архивной информации.

Собственно основной смысл этой статьи состоит в убеждении: письменный (печатный) источник, в том числе и документальный, для историка – исследователя дает золото знания не в рафинированном виде. Прежде, чем его крупинцы получить, необходимо «промыть» информацию, очистить ее от «пустой породы» и обманки, похожей на золото, но золотом не являющейся. Это – анализ. А чтобы работа имела логическое завершение, нужно переплавить крупинцы в «золотой слиток».

Д. А. Винокуров
Уфа

«ПРОСВЕТИТЕЛЬ» ИОСИФА ВОЛОЦКОГО: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К АКАДЕМИЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ

(историографическая традиция и современное состояние проблемы)

Значение выдающегося памятника русской средневековой политикобогословской мысли – «Просветителя», написанного Иосифом Волоцким, как исторического источника общеизвестно. Именно этот памятник является в целом современным новгородско-московской ереси конца XV – начала XVI вв. и, несмотря на предпринимавшиеся в историографии попытки снизить его информативное значение, остается основным источником по реконструкции мировоззрения и религиозной практики «ереси жидовствующих». Значение «Просветителя» как источника для изучения формирования политической доктрины неограниченной самодержавной власти оспаривалось очень редко. Немаловажным является и влияние «Просветителя» на формирование русской литературы XVI–XVII вв. Фактически пространная редакция «Просветителя», сложившаяся, по мнению Я.С. Лурье в 1502 – ок. 1515 г.¹ или 1490 – второй половине 1510-х гг. (точка зрения А.И. Плигузова²) стала совершенно необходимым источником не